

ОТСЮДА - И В ВЕЧНОСТЬ

ОН НЕСОВМЕСТИМ с прошедшим временем. И весть о его уходе для меня лишь одна из глав бесконечно захватывающего романа Базена, зачатого лет 60 назад. Есть люди, обеспечившие себе твердое бессмертие в чужих душах. Президент Академии Гонкура и сам, естественно, академик — среди них. "Супружеская жизнь", "Анатомия развода", "Крик совы", "Встань и иди"... По этим книгам Франция и мир изучали жизнь и его родной французский.

Писатель скончался бессмысленно рано для исконно базеновского рода — 85 для его семьи не возраст. Этот род — из прямо-таки кавказских долгожителей: в семье пять поколений живущих и сегодня. Тетя скончалась в 100 лет от внезапного горя, так и не успев ни разу за век поболеть. Дело в том, что неожиданно погиб ее брат, дядя Базена. Надо же — ему только исполнилось 103 года, и он отправлялся в путешествие на пароме. Но бедняга почему-то плохо видел и промахнулся мимо трапа — упал в воду и утонул.

А у Базена за историю его трех официальных браков набралось 7 детей, 10 внуков, несчи-

Слева направо: автор, Базен, Виктор Хреков, познакомивший автора с писателем.

фото Дмитрия ЯКУШКИНА.

"Я ДАЮ ЖИЗНЬ ДЕТЯМ УЖЕ ПОЛСТОЛЕТИЯ"

Роман. правда. — 1996 — 23 февр. — с. 13
Так говорил Эрве Базен — и он имел в виду
не только свои знаменитые романы

танное количество правнуков. Во Франции он был велик. Де Голь, Миттеран, Базен, Делон с Эдит Piaф... — все из единой когорты. И вы знаете, что такое Франция и французы — милые, симпатичные.

Но настолько же насмешливые, закрытые, всегда слегка презирающие всех остальных — волею судьбы нефранцузов. Встреча, беседа с чужестранцем? Что вы! Сейчас какой месяц? Ах, февраль. Тогда позвоните в конце августа. Это — как щелчок по иностранному лбу. Летом последняя полулица собака уезжает из раскаленного от солнца и пустоты Парижа.

А БАЗЕН согласился на встречу с первого звонка. Русские, советские? Пожалуйста! К вашим корреспондентским услугам.

ся базеновским смешком, услышав который, расхохотался и я. — С маленьким сыном молодую. В один день с Николасом родилась и внучка. У меня развито чувство отцовства. Я даю жизнь детям вот уже полстолетия. И это — как возделывать на камнях пшеничное поле, созидать писательский шедевр. Оставляя после себя след, вы доказываете право на существование. Как можно иначе победить смерть? Ни в коем случае нельзя умирать навсегда.

НО ПОНИМАЕТЕ, что было хорошо в Базене. Он всегда оставался очень земным гением. До немецкой педантичности аккуратным. Ликуйте, базеновцы. Его архив разобран и прихорошен до последней бумажки, даже письма — и те хранились в строго ал-

ловечество. Грешен. Здесь я прибегаю — и нередко — к услугам Базена. Звонил. Он всегда просил подумать, перезвонить. Однажды звонил сам. Если отклик казался месяце Базену по-настоящему нужным, он посылал его письмом на мой парижский адрес. Я безумно не сохранил этих весточек, начертанных молодым, совсем не старческим почерком. Но некоторые письма, которые предлагаю вниманию читателей, остались, возможно, даже вопреки моему разгильдяйству. Поздравления — и какие прочувствованные — с Новым годом, благодарности за статьи.

Невероятно, дико, но великий посылал изредка и весточки к своей работе. Вот он пишет новый роман, вот переделывает "Супружескую жизнь" и старательно выводит название на русском.

КАК-ТО пригласил меня в ресторан на вручение Гонкуровской премии, уж позабыл, кто ее тогда получил. Я беззаботно протрещал с приятелем из какой-то французской газеты, не добравшись до самого президента. По-моему, в этом трепетном отношении Базена к людям или с людьми и состоит разница между ними, великими, и нами — такими невечными. Они выше нас даже в безукоризненной собственной интеллигентности, мы же ловим момент, смотрим на день сегодняшний с беспечной расточительностью серднячка. Интересно, но примерно так же развивались мои отношения и с другим прижизненным классиком — Грэмом Грином. Какая-то чушь. Трудно в беге утомительной повседневности оглядеться и понять, с кем же имеешь дело. И иногда потный спортсмен-рекордсмен или треплющийся политик занимает тебя больше, чем истинная величина. Наверное, потому гении и остаются в вечности, а все остальное, как говорят те же французы, проходит.

Несколько раз, наверное, увидав в "Комсомолке" следы моей эксплуатации Базена, друзья-соборы просили дать телефон. Сохраняя остатки вежливости, я звонил в деревушку, спрашивал: "Можно ли?". И каждый раз Базен думал, мне казалось, будто я слышу эти думы прямо по телефону. Слегка сопел и, вздыхая, соглашался: "Что ж, давайте. Только попросите от моего имени звонить не рано. Николас и жена любят поспать".

Он любил Россию. Некоторые уверяют, что у Базена, как у Труайя или Бессона, русские корни. Я спросил. Оказалось — нет.

Возможно, в каком-то шестом-седьмом поколении по материнской линии — даже он точно не знал.

Злые языки (французские) убеждали: причина такой благожелательности к русским — в миллионных тиражах его книг, у нас тогда издававшихся. Им было не понять, что могучий Советский Союз ни к каким конвенциям по авторским правам не присоединялся. А если вдруг что-то и подписывал, то деньги — крошечные — из нас предстояло выдергивать клещами.

Я все же полагаю, что Базен, царство ему небесное, тепло одаривал нас вниманием, ибо понимал: его основной читатель, пусть и परिवаривающий книги бесплатно, живет в России. Тиражи Базена здесь никак не сопоставить с его французскими 5 — 10 тысячами. И еще он любил нас — идеалистов, чудачков, мечтателей, решивших вдруг на примере "Утопии" Томаса Мора построить нечто из ничего. Безумству храбрых он аплодировал так, как мог.

Николай ДОЛГОПОЛОВ.

Париж.

*J'étais en ce moment la suite du
Matrimoine (СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ) qui eut
en URSS autant de lecteurs qu'en France.
Depuis 1968 l'évolution des mœurs et des*

*"Я в настоящее время пишу продолжение романа
"Супружеская жизнь". В СССР у этого романа было
столько же читателей, сколько и во Франции..."*

Только простите, живу не в суетливом Париже. Берите жену, детей и ко мне в Руан.

И после 114 километров от столицы Европы — столица Эрве Базена. Деревушка Борнивилль в Нормандии. Живописное запущенное старинное поместье. Трехэтажный особняк и какой-то сторож-садовник со шлангом, вымывающий листья из детского бассейна.

— Извините, а где здесь живет писатель Базен?

— Это тот, что распределяет премии Гонкура?

— Именно, месье.

— Так это — я, — с улыбкой, словно за нас извиняющейся: надо же, не узнали. Голос тихий-тихий, рукопожатие крепкое.

А рядом, на травке, в корзиночке типа той, что у нас в России по грибы, деликатно попискивает ребятиночек. Сын Базена — Никола. Он родился, когда папе стукнуло 75. И с той поездки к Базену я тоже плывать хотел на позднее мое отцовство. Мой-то появился, когда мне только-только перевалило за сорок. Хотя бы благодаря этим базеновским "не обращайтесь внимания, этим надо гордиться" месье Эрве превратился из моего любимого французского писателя в наилюбимейшего.

— Сын похож на вас, — отпустил я нехитрый мужской комплимент, и Базен принял меня за своего.

— Зачат у вас в Москве в гостинице "Советская". Приезжал с женой на какой-то форум, и там было славно. Я зову его Николас Иванович, и мальчик откликается, — Базен засмеял-

фавитном порядке. Все сотни томов книг, изданных и переизданных в полусотне стран, стояли по алфавиту. И это при том, что больше Базена выпускали из людей пишущих разве что В. И. Ленина вместе с В. Шекспиром.

Он любил Россию любовью человека, ее абсолютно не знающего, — свято и верно. Верил в нас, как только может верить проницательный слепец. Перестройка, безумные реформы, Горбачев — Базену все это советское нагромождение страшно нравилось, ибо он презирал тоталитаризм. Впрочем, по адресу Михаила Сергеевича он среди скучноватых комплиментов отпустил и фразу провидца: "Меня только беспокоит его одно и бесконечное "да". Лидер страны вселенского масштаба обязан научиться выговаривать и труднопроизносимое "нет".

Мы пили вино и рассуждали о жизни. Здесь он поража л знанием деталей. Язык его был истинно писательским. И когда я отпустил фасона ради несколько парижских жаргонизмов, Базен ничего не сказал, но посмотрел на меня так строго, что выраженьице "поломать зубки о хлебнушек" я с тех пор никогда не употребляю.

Нескромно, наверное, писать, однако мы, кажется, ему понравились. Знаете, бывовал во времена Брежнева, Горбачева да и Ельцина некий маразматический журналистский жанр "отклика". Это когда Никита Сергеевич или Б. Н. роняют фразу, кажущуюся архиважной для него и окружения. А зарубежный собор обязан расписать, как отреагировало на это часто ничтожное высказывание все прогрессивное че-